

Михаил ФЁДОРОВ

«Крестник» Александра Твардовского

К 80-летию поэта Владимира Фирсова

Мне посчастливилось лично знать Владимира Фирсова, часами слушать, как он читает стихи, как когда-то слушал Егора Исаева. Я не раз оказывался в огромной квартире Фирсовых в Тихвинском переулке рядом с храмом Тихвинской иконы Божьей матери. Владимир Иванович усаживался в кресло, закурился, доставал исписанные листки и клал их на стол, а я не знал, на что больше обращать внимание: на него или на старинную мебель, которая окружала нас, на фарфоровые вазы, фигурку совы на комодике, на высоченные часы, что столпом поднимались с паркетного пола, на блюда с рисунками домишек у пруда, елей на берегу озера, заснеженной лесной лужайки, на керосиновые лампы на ветвистых подставках, как бра, на мозаичное панно с изображением кремля и церквей... Глаза разбегались. Но когда начинал звучать хрипловатый голос Владимира Ивановича, наполняя это напитанное прошлым пространство, я уже не просто слушал стихи поэта, а через плену эпох устремлялся далеко-далеко, замирая от охвативших меня чувств. Помню, как проникновенно он читал своё стихотворение «На Родине Есенина»:

Ещё не поросли тропинки,
Что слышали твои шаги.
И материнскую косынку
Ещё пестрят березняки...

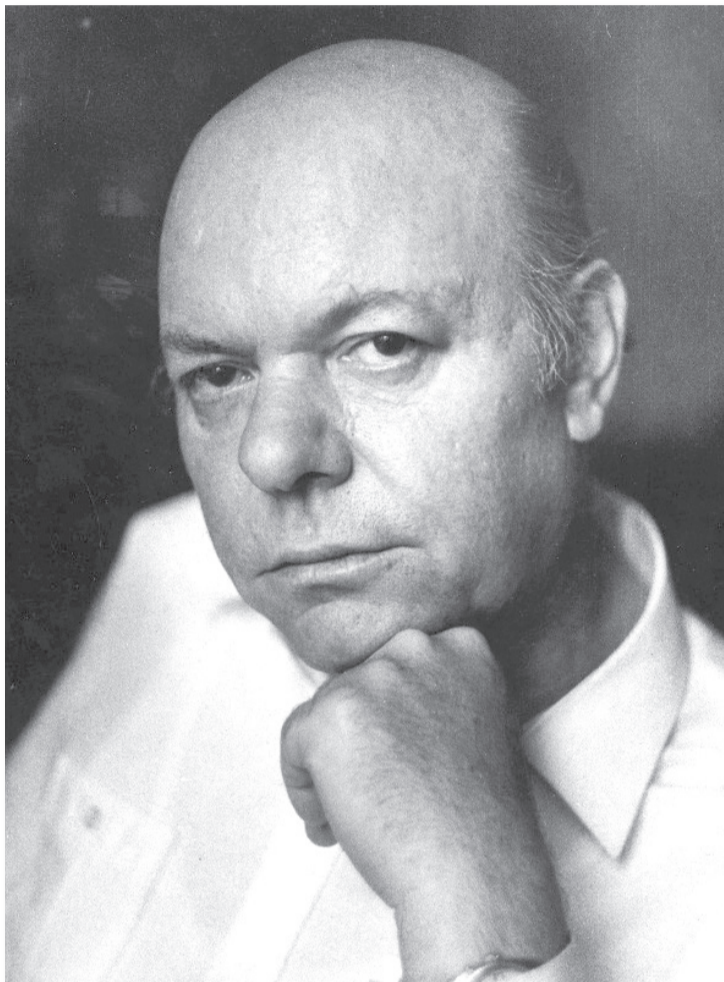
Если Сергей Есенин родился на Рязанщине, то Владимир Фирсов на такой же исконной части нашей земли — Смоленщине, тоже в крестьянской семье. Родня по линии отца подалась, как говорил Владимир Иванович, «от раскулачивания» в Люблино, под Москву. Уехал и сам отец, а Володя с матерью остался в селе Заболотье. Мать вскоре вышла замуж, и они направились на Кольский полуостров. В это время началась война, и Володя Фирсов помнил, как на корабль, на котором они плыли, налетали немецкие самолёты, а он бил в рынду. Потом семья оказалась в Иркутске, Володю определили в детский сад. Тут постигло новое несчастье — умерла мать.

Фирсов рассказывал:

— Фотография у меня сохранилась: я стою, она в розвальнях, лошадь впряжённая, снег идёт, и я стою небольшой у гроба, среди её знакомых с завода. А кто-то говорит: «Поцелуй маму». Я её поцеловал, а лоб заснеженный был, и до сих пор помню, остался привкус на губах.

Отчим женился снова, Володе доставалось от мачехи. Один раз, когда он случайно порвал струны на балалайке, она этой же балалайкой била пасынка так, что гриф отвалился. После Володю отдали в детский дом. Там он выучил много песен, они с детским хором ездили по госпиталям и выступали перед ранеными и больными. Володя так бы затерялся в Сибири, если бы его не нашла сестра матери тётя Настя. У неё не было своих детей, и она по-матерински отнеслась к племяннику, приехала в Иркутск и забрала мальчика на Смоленщину. В родном Заболотье он увидел ужасную картину: село почти всё выгорело. После немцев не осталось домов, но в одном уцелевшем открыли школу, куда мальчик пошёл в первый класс. Учили несколько детей, и на всех был один учитель.

Жизнь была тяжёлая, голодная, и в один день тётя Настя разуверилась, что может спасти племянника, и заставила его написать отцу письмо. Володя написал:

«Папочка! Если ты за мной не приедешь, помру в Заболотье с голоду. Твой сын Володя».

Отец приехал и забрал Володю к себе в Люблино. Здесь мальчик пошёл в школу, здесь родились его первые литературные опыты. Ещё в десятом классе он стал посещать литературное объединение при «Московском комсомольце», которое вёл поэт Александр Яшин. По его совету, Фирсов показал свои стихи Александру Твардовскому и был им вдохновлён на продолжение занятий поэзией:

«Ну что, Володя. Я вижу по стихам, что ты мой земляк. Хотя ты знаешь, я много получаю писем со стихами. От молодых и немолодых людей. Но я тебе скажу, мне за тобой будет интересно следить. Ты способный мальчик... Давай, пиши, старайся, получай аттестат хороший... Новые стихи приноси».

И Фирсов старался. В 1953 году «Комсомольская правда» напечатала его стихи. Владимир Иванович вспоминал:

— Дали полосу моих стихов. Представляешь, по тем временам целую полосу. И подпись: «Стихи ученика 10-го класса 49-й школы города Люблино». Что было! У почтальона отвисли плечи, он сумками письма в школу приносил. Со всего Союза. И среди груды писем, в основном девчонок, оказалось письмо Сергея Городецкого. Я видел его фотографию в книге Есенина. Александр Блок, Сергей Городецкий, Сергей Есенин... Сергей Митрофанович добрыми словами высказался о моих стихах, где-то даже поправил. А ещё пришло письмо Евгения Пермяка. По тем временам глыба! Уральский сказочник. Письмо на имя директора прислал, что у вас учится совершенно гениальный мальчик, помогайте ему всячески...
Потом конверт, а на нём штамп «Союз писателей СССР. Литературный институт имени Горького». Фирменный конверт! Сердце так и застучало. Раскрываю дрожащими руками и читаю: «Дорогой Володя! Мы хотели, чтобы вы подъехали на

кафедру творчества. Прочитали ваши стихи, обсуждали их на творческих семинарах. Ждем вас. С.И. Лашенцев».

Я, конечно, ноги в руки и вперёд. Он меня встречает, обнимает. Заходим, там доска, на ней всякие бумаги за стеклом и полоса моих стихов. «Вот, видишь. Обсуждали на нескольких поэтических семинарах. Все студенты в один голос говорят: мы бы не удивились, если бы он учился у нас на курсе третьем. Как ты, думаешь поступать к нам? Или у тебя другие мысли?» У меня мыслей никаких не было, потому что знал, что экзамены провалю, и честно признался: «Иностранный язык я точно не сдам» — «Ну, как-нибудь, на тройки. Считай, что ты уже прошёл творческий конкурс. Самый трудный».

Сочинение и географию я благополучно сдал. А с иностранным пришлось помучиться. Меня поставили сдавать немецкий, а учил я английский. Хотя не знал ни того, ни другого. Беру билет.

— Я не знаю.
— А как же вы учили?
— Вот так вот. Не даёт мне.
— Неуд я вам ставлю.

Вышел, тут Ахмадулина, Семёнов, друзья ребята:

— Ну как?
— Неуд.
И идёт Лашенцев:
— Ну как, Володь?
— Как я и обещал, Сергей Иванович.
— Что же с тобой делать?

— Ну, я английский учил. Мне по ошибке немецкий поставили. Разрешите пересдать.

— Пойдём к Серегину.

Заходим в кабинет с табличкой «Ректор». Сидит угрюмый, сухопарый человек, замечательный потом оказался:

— Ну что Сергей Иванович?
— Сергей Николаевич, да вот талантливый поэт. Ему пересдать нужно английский. Ему по ошибке в аттестат поставили немецкий. А учил он английский. Ну талантливый мальчик. Твардовский мне о нём рассказывал.
— Ну, давай. Пересдать.

Пришёл я сдавать английский. Без подготовки. Беру билет.

— Готов?
— Да.
— Вот вам текст, прочтите.

Я, конечно, всё неправильно прочитал. Опять неуд. Выхожу, а слёзы сами текут. И тут выбегает Семёнов: «Володя! Я сам ни фига не знаю, а тут сидит француженка, решили французский язык с этого года ввести. Иди к ней, скажи, что ты хочешь учить французский. Не знаешь, но будешь учить. Она тебе тут же удовлетворительно, как и мне, поставит».

И тут идет опять Лашенцев:
— Ну что?
— Сергей Иванович, капут.

— Да ты что?
— Вы знаете, вот сейчас француженка...
— Да, в этом году вводят французский.
— Я немножко учился как-то, занимался французским. Может мне опять пересдать?

— Что же делать?!

Берёт и опять тащит к ректору:
— Ну что, Сергей Иванович?
— Да вот Сергей Николаевич, хвост один.

— Ну что я...
— Да он французский может знать.

У ректора очки сползли по повлажневшему носу. И Лашенцев:

— Ну Твардовский же...
— Полиглот... Разрешаю пересдать французский в порядке исключения.

Я захожу, сидит седоватая женщина. Подхожу, беру билет, тут же сажусь.

— Вы что без подготовки?
— Да. Я без подготовки уже два не уда получил.

— Вы из народа? — приглядывается.
Я пожал плечами:

— Отец у меня слесарь-сантехник. Мать крестьянка.

— А вы, наверное, поэт.
— Поэт.

— О чём пишете?
— О жизни, деревне.

— Вы, наверно, очень любите Есенина, да?

А я его мало что читал. Тогда же не издавали. В каких-то сборниках попадались лишь отдельные стихи. Но говорю:

— Ну да, конечно.
— А почему вы ко мне пришли?

— Судьба, наверно. Мне сказали, что вы очень хорошая.

Она заулыбалась:

— А вы скажите, вы будете учить французский?

— Конечно!

— А вы скажите, вас удовлетворительно устроит?

Так я оказался студентом-заочником Литинститута. Мне разрешено было ходить и на лекции, и на творческие семинары к очникам. Жил я в общежитии, в Перedelкино, в бывших домах покойных писателей. Мне пообещали после первого семестра перевести на очное, но всё равно что-то тяготило на душе.

И вдруг: завтра Твардовский будет у нас в общежитии выступать. И вот я за печкой в общежитии стою, он меня не видит. А перед ним все выпендриваются со стихами. Он слушал, слушал, а потом стал разбирать. «Ну, люди вы способные, вас приняли в Литинститут. Большой конкурс творческий. Но понимаете, у вас жизни нет. Дрова как будто бы сухие, да не играют. Печка... Стихи, как будто бы стихи, да правды ни словечка. Недавно у меня был паренёк такой, Володя Фирсов. Талантливый мальчик, я знаю, печатается. Я рекомендовал его стихи в "Новый мир". И ему при моих стараниях, не нашлось места на дневном отделении. Приняли на заочное...».

На другой день я в институт прихожу, меня встречает Сергей Иванович: «Вовонька, я тебя поздравляю. Позвонил Твардовский ректору и сказал: "Что вы в Бога мать, я вчера слушал всякое говно, а..." В общем, иди получай билет». И я получил студенческий на основное отделение.

* * *

Вот путь в поэзию мальчика, которого не уморил голод, не унесла война, который лишился матери, вновь обрёл отца, упрямо шёл к намеченной цели, преодолевая бесконечные трудности, ощутил на себе отеческое отношение старших писателей и внёс свой вклад в русскую поэзию.

Вот путь в поэзию мальчика, которого не уморил голод, не унесла война, который лишился матери, вновь обрёл отца, упрямо шёл к намеченной цели, преодолевая бесконечные трудности, ощутил на себе отеческое отношение старших писателей и внёс свой вклад в русскую поэзию.